

О том, сколько мы заботимся о

теле,

и сколько о душе

Преп. Амвросий Оптинский

В Евангелии сказано: *какая польза человеку, аще приобретет миръ весь, и отщипитъ душу свою?* (Мк 8, 36) Вот как драгоценна душа человеческая! Она дороже всего мира, со всеми его сокровищами и благами. Но страшно подумать, как мало понимаем мы достоинство бессмертной души своей. На тело, это жилище червей, этот повапленный гроб, обращаются все наши мысли с утра до вечера, а на бессмертную душу, на драгоценнейшее и любимейшее творение Божие, на образ Его славы и величия едва обращается одна мысль за всю неделю. Служению телу посвящаются самые цветущие годы нашей жизни, а вечному спасению души только последние минуты дряхлой старости. Тело ежедневно упивается, как на пиру богача, полными чашами и роскошными блюдами; а душа едва собирает крохи божественного слова на праге дома Божия. Ничтожное тело омывают, одевают, чистят, украшают всеми сокровищами природы и искусства; а дорогая душа, невеста Иисуса Христа, наследница неба, бродит шагом изнуренным, облеченная в одежду убогого странника, не имея милостыни.

Тело не терпит ни одного пятна на лице, никакой нечистоты на руках, никакой заплаты на одежде; а душа, от главы до ног покрытая сквернами, только и делает, что переходит от одной греховной тины в другую, и своей ежегодной, но часто лицемерной исповедью только умножает заплаты на одежде своей, а не обновляет её.

Для благосостояния тела требуются разного рода забавы и удовольствия; оно истощает нередко целые семейства, для него люди готовы иногда на труды всякого рода; а бедная душа едва имеет один час в воскресные дни для слушания

Божественной литургии, едва несколько минут для утренней и вечерней молитвы, насилу собирает одну горсть медных монет для подаяния милостыни, и довольна бывает, когда выразит холодным вздохом памятование о смерти.

Для здравия и сохранения тела переменяют воздух и жилище, призывают искуснейших и отдаленнейших врачей, воздерживаются от пищи и питья, принимают самые горькие лекарства, позволяют себя и жечь и резать; а для здравия души, для избежания соблазнов, для удаления от греховной заразы не делают ни одного шага, но остаются в том же самом воздухе, в том же самом недобром обществе, в том же самом порочном доме, и не ищут никакого врача душ, или избирают врача незнакомаго и неопытнаго, и скрывают перед ним то, что уже известно и небу, и аду, и чем они сами хвастают в обществах.

Когда умирает тело, тогда слышится скорбь и отчаяние; а когда умирает душа от смертного греха, тогда часто и не думают об этом.

Так мы не знаем достоинства души своей, и, подобно Адаму и Еве, отдаем свою душу за красный по виду плод.

Почему же мы, по крайней мере, не плачем, подобно Адаму и Еве? Плач потерявших душу должен быть горестнее плача Иеремии, который, оплакивая бедствия отечества, взывал: *кто даст главе моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ?* (Иер 9, 1)

У нас же большей частью забота о стяжании благ, только, к сожалению, часто земных и временных, а не небесных.

Забываем мы, что земные блага скоропреходящи и неудержимы, тогда как блага земные вечны, бесконечны и неотъемлемы.

Всеблагий Господи! Помози нам презирать все скоропреходящее и пещися о едином на потребу спасении душ наших.

Из книги "Собрание писемъ блаженнаго памяти оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія къ мирскимъ особамъ."